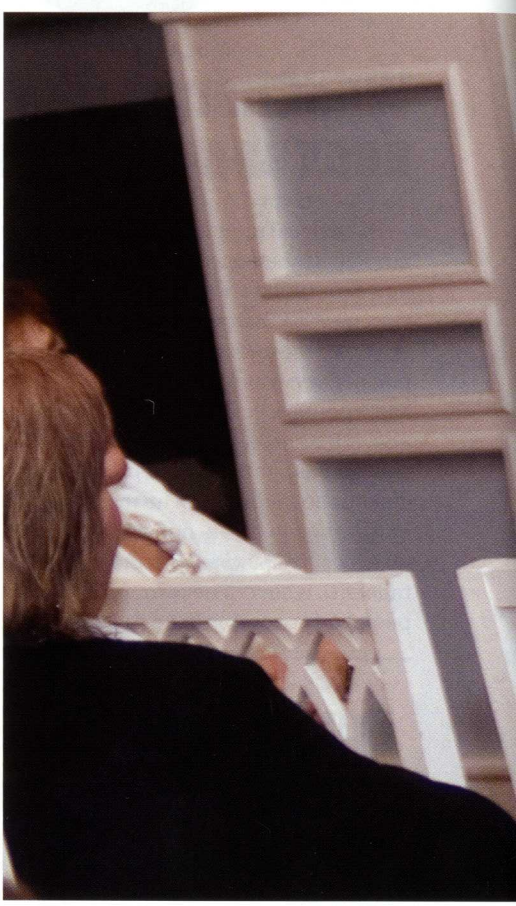
Павел Рейфман: «Во мне молодая душа...»

Профессор-эмеритус Тартуского университета Павел Рейфман принадлежит к когорте основоположников кафедры русской литературы.



– Что повлияло на выбор профессии? Когда Вы поняли, что Ваш путь – наука?

– Понимаете, когда-то, в доисторические времена, вернувшись с фронта в 1945 году, я оказался на журналистском отделении филологического факультета ЛГУ. Через некоторое время я оттуда сбежал, но года два я занимался историей журналистики, меня всегда это интересовало. По истории журналистики я и кандидатскую диссертацию защитил, и докторскую. А журналистика всегда была очень связана с цензурой. Когда я уходил на пенсию, мне не хотелось совсем расставаться с кафедрой, и завкафедрой Любовь Киселева предложила мне прочесть курс лекций по истории цензуры. И вот этот курс для магистрантов и докторантов из полугодового превратился в двухгодичный, а из курса по истории русской литературы – в курс русской и советской литературы. Мы знает историю по мифам, и вот некоторые мифы я попытался раскрыть.

– Вы можете вспомнить самое яркое событие в вашей жизни?

– Пожалуй, я не смогу определить одно событие, мне всегда было интересно жить, и до сих пор интересно. Наверное, все же окончание войны, это ощущение, что война закончилась, и мы остались живы...

– Что еще не успели сделать в жизни?

– Никогда не мечтал о карьере. Делал то, что делал, в общем, мне это было интересно. Я не занимал ни одной крупной руководящей должности и не стремился к этому. Когда мне один раз предложили заведовать кафедрой, я от этого отбивался всеми возможными способами!

– О чем Вы думаете чаще – о прошлом или о будущем?

Я думаю и прошлом, и о настоящем, и о будущем. Будущее мое, естественно, недолгое. В 85 лет загадывать на какой-то длительный срок нецелесообразно, но мне интересно, как будут развиваться события.
Я сохранил душу живой, а это значит – интересоваться не только собой и своими болезнями, но и тем, что творится вокруг... Я думаю, судьба ко мне и моей супруге была благосклонна.

– У каждого человека бывают периоды хандры, как Вы справлялись с ней?

– У меня серьезных периодов хандры не было никогда. Может быть, ирония моя помогала и вообще, я считаю, что у меня мало было ситуаций, когда мне приходилось очень трудно. В отличие от моей жены, я скорее пессимист, но я как-то не хандрю. До сих пор хорошо сплю, не употребляю снотворных. У меня есть свои приемы, которые мне помогают засыпать: я читаю какое-нибудь длинное стихотворение и где-то до середины засыпаю.

– Есть ли у Вас убеждения, которым Вы следовали с юных лет?

– Убеждения у меня есть. Но я, кажется, кого-то «полуцитирую»: основное убеждение – не быть убежденным в чем-то и говорить, что я знаю, как надо.

– Какой совет Вы дали бы самому себе в юности?

– Думаю, что тот же, который я давал себе много-много лет тому назад: стараться честно делать свое дело и поступать так, как ты считаешь нужным. По крайней мере, мне кажется, что это не отступает от моих взглядов.

– В жизни каждого из нас есть поступки, о которых стыдно и больно вспоминать. Смогли бы Вы поговорить об этом?

– Я не стал бы делиться этим с читателем, впрочем, точно так же, как и рассказывать о прекрасных своих поступках.

– Нам выпало прожить большую часть своей жизнь при Советской власти. Чего не хва-